

в каракасе
наступит
НОЧЬ

karina sainz borgo

la hija
de la
española

карина сайнс борго

в каракасе

НАСТУПИТ
НОЧЬ

Москва
2020

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44
Б82

Karina Sainz Borgo

LA HIJA DE LA ESPAÑOLA

Copyright © Karina Sainz Borgo 2019
Karina Sainz Borgo asserts the moral right
to be identified as the author of this work

Перевод с английского *Владимира Гришечкина*

Художественное оформление *Петра Петрова*

Борго, Карина Сайнс.

Б82 В Каракасе наступит ночь / Карина Сайнс Борго ;
[перевод с английского В. Гришечкина]. — Москва :
Эксмо, 2020. — 256 с.

ISBN 978-5-04-107811-9

На улицах Каракаса, в Венесуэле, царит все больший хаос. На площадях «самого опасного города мира» гремят протесты, слезоточивый газ распыляют у правительственных зданий, а цены на товары первой необходимости безбожно растут.

Некогда успешный по местным меркам сотрудник издательства Аделаида Фалькон теряет в этой анархии близких, а ее квартиру занимают мародеры, маскирующиеся под революционеров. Аделаида знает, что и ее жизнь в опасности.

«В Каракасе наступит ночь» — леденящее душу напоминание о том, как быстро мир, который мы знаем, может рухнуть. А также это гимн ностальгии по детству и любви, что вынуждает нас идти на баррикады.

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44

© Гришечкин В., перевод на русский
язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-107811-9

*Посвящается мужчинам и женщинам,
которые были до меня.
Посвящается тем, кто придет потом.*

Все истории, в которых упоминается океан, непременно должны иметь отношение к политике, потому что каждый человек ищет на его берегах землю, которую он мог бы назвать своим домом.

Голову выше, поэт!
Ведь тебя не сломить ничему.
Пусть ветер свистит в проводах,
Страх нет в твоём сердце.
Важно только одно:
Чтобы внятн был стих...

Иоланда Пантин
«Газовая кость».

Родители мои меня зачали
Для тверди, влаги, ветра и огня,
Ласкали и лелеяли меня,
А я их предал...

Хорхе Луис Борхес
«Угрызение»¹

И сам чужим я вырос на чужбине...

Софокл
«Эдип в Колоне»²

¹ Пер. В. Алексеева (*Здесь и далее — прим. переводчика*).

² Пер. Ф. Зелинского.

Маму мы похоронили почти со всеми ее вещами — с ее голубым платьем, черными туфлями-балетками и многофокусными очками. Попрощаться иначе мы не могли, да и забрать у нее эти вещи было бы просто невыносимо. Поступи мы иначе, и она вернулась бы в землю обделенной. Вот почему мы похоронили ее вместе с вещами: после ее смерти у нас все равно ничего не осталось. У нас не было даже друг друга.

В день похорон мы были убиты нашей потерей. Мама лежала в своем деревянном ящике, я сидела на стуле в ветхой часовне, единственной из пяти или шести, которую я пыталась снять для похорон, да и эту мне удалось арендовать всего на три часа. Казалось, вместо похоронных бюро в городе остались только крематории. Умершие отправлялись в печи, как караваи хлеба, которые давно исчезли из магазинов, но часто вспоминались нам — вспоминались каждый раз, когда нас одолевал голод.

Вспоминая о дне похорон, я говорю «мы» просто по привычке. Мы — это значит «мы с мамой». За многие годы я и она стали единым целым, словно слои металла внутри многократно прокованного дамасского клинка,

КАРИНА САЙНС БОРГО

с помощью которого мы защищали друг друга от всего мира. Сочиняя надпись для надгробного камня, я со всей отчетливостью поняла, что в первую очередь смерть отражается в языке, когда приходится переносить дорогие тебе вещи из настоящего в прошлое. Употреблять прошедшее завершённое время. Очень нелегко смириться с тем, что у вещей есть начало и конец и что этот конец тоже может оказаться в прошлом. Нелегко думать о том, что́ когда-то было, но закончилось и больше никогда не повторится. Именно так обстояли дела теперь: начиная с этого дня я могла говорить о своей матери только в прошедшем времени. Не так, как было раньше, не так, как я привыкла. А еще ее смерть означала, что и я перестала быть ее бездетной дочерью.

В городе, охваченном предсмертными корчами, мы потеряли все — даже способность строить предложения в настоящем времени. Было, был, была — вот как мы говорили теперь.

На поминках было всего шесть человек. Первой, с трудом переставляя ноги, явилась Ана. Ее поддерживал под руку ее муж Хулио. Со стороны казалось, будто Ана уже давно живет в темном и тесном тоннеле, который только что изрыгнул ее в мир, где жили все мы. Несколько месяцев назад она прошла курс лечения бензодиазепином, но сейчас эффект от лекарства почти сошел на нет. Достать же его было почти невозможно — во всяком случае, в количествах, которых хватило бы на новый курс. Как и самый обычный хлеб, алпразолам¹ стал редкостью, и

¹ Алпразола́м — лекарственное средство, производное бензодиазепина, которое используется для лечения панических расстройств, тревожных неврозов, таких как тревожное расстройство или социофобия.

депрессия, которая овладела всеми, усилилась, подпитываемая глубиной нашего отчаяния. Мы могли только смотреть, как исчезает все, в чем мы нуждались: люди, места, друзья, воспоминания, продукты, спокойствие, тишина, способность рассуждать здраво. «Терять» — этот глагол можно было применить к любому из нас. Сыны Революции превратили его в оружие, которым с успехом пользовались.

С Аной я познакомилась, еще когда была студенткой филологического факультета. С тех пор наши жизни шли параллельно, особенно когда нам обоим предстояло пройти через очередной персональный ад. Болезнь мамы не стала исключением. Когда она оказалась в клинике, Сыны Революции арестовали младшего брата Аны, Сантьяго. В тот день было задержано много студентов. У одних спины были в чудовищных синяках от резиновых пуль, других избили дубинками, третьих изнасиловали автоматными стволами. Что касалось Сантьяго, то он оказался в Ла Тумбе¹, где ему дали отведать и первого, и второго, и третьего.

Больше месяца Сантьяго оставался в специальной политической тюрьме, расположившейся на пяти подземных этажах Ла Тумбы. Туда не проникал шум снаружи, а в камерах не было ни окон, ни дневного света (только электрический) и никакой вентиляции. Единственными звуками, проникавшими сквозь толстые стены, были скрежет и лязг поездов метро, которые проносились по тоннелям намного выше подземных камер.

Всего камер было семь, и Сантьяго находился в одной из них — самой глубокой. Других задержанных он

¹ Ла Тумба — штаб-квартира тайной полиции Венесуэлы.

КАРИНА САЙНС БОРГО

видеть не мог. Размер каждой камеры был всего два на три метра. Стены и пол были покрыты белой краской. В белый были выкрашены нары и стальные прутья решеток, сквозь которые тюремщики просовывали подносы с едой. Столовых приборов не давали — если хочешь есть, ешь руками.

Уже несколько недель о Сантьяго не было никаких известий. Раньше Ане удавалось поговорить с братом по телефону, за что она регулярно платила неизвестным немалые суммы. Изредка ей на мобильный приходили фотографии, каждый раз — с нового номера, которые служили хоть и сомнительным, но все же доказательством, что ее брат по-прежнему жив, хотя и находится в тюрьме. Потом наступило молчание. Теперь никто из нас не знал, что с ним.

— Никаких новостей, — вполголоса сказал мне Хулио, отступив от стула, на котором Ана сидела уже тридцать минут, неотрывно глядя на мыски своих туфель. За все время она только трижды поднимала голову, чтобы спросить:

— Во сколько похороны?

— В половине третьего.

— Понятно, — пробормотала Ана. — А где?

— На кладбище Ла Гуарита. Мама купила этот участок давным-давно. Там красиво.

— Хорошо... — повторила Ана. У нее был такой вид, словно понять сказанное ей стоило титанического труда. — Хочешь сегодня остаться у нас, пока все не кончится?

— Завтра рано утром я поеду в Окумаре, чтобы навестить теток, маминых сестер. Я хотела отвезти им кое-какие ее вещи, — солгала я. — Но все равно

спасибо за предложение. Вам сейчас тоже нелегко. Я знаю.

— Ну, как хочешь... — Ана поцеловала меня в щеку и ушла. Я понимала, что на кладбище она не придет. Кому захочется присутствовать на похоронах посторонней женщины, если в пору готовиться к похоронам собственного брата?

Следующими явились Мария Хесус и Флоренсия — учительницы на пенсии, с которыми мама в течение многих лет поддерживала полуприяТЕЛЬские отношения. Они пробормотали слова соболезнований и сразу ушли, словно понимали: ничто из того, что они способны сказать или сделать, не в состоянии оправдать смерть женщины, которая была еще сравнительно молодой, чтобы покинуть этот мир. Уходили они быстро, словно еще надеялись обогнать старуху с косой, которая могла прийти и за ними. Цветов они не принесли. В зале похоронного агентства вообще не оказалось ни одного венка, кроме моего — венка из белых гвоздик, который едва прикрывал верхнюю часть гроба.

Мамины сестры, мои тетки Амелия и Клара, на похороны не приехали. Несмотря на то что они были близняшками, одна из них была болезненно полной, а другая — тощей как щепка. Одна постоянно что-то жевала, другая довольствовалась на завтрак крошечной порцией черных бобов и самодельной сигаретой на десерт. Клара и Амелия жили в Окумаре-де-ла-Коста — небольшом городке в штате Арагуа на самом побережье рядом с пляжами Баия-де-Ката и Чорони, где лазурные волны накатывались на белоснежный песок. Окумаре отделяли от Каракаса мили и мили разрушенных дорог, которые понемногу становились совершенно непроезжими.

КАРИНА САЙНС БОРГО

Моим теткам было под восемьдесят, и за всю свою жизнь они побывали в Каракасе только один раз. Амелия и Клара не покинули свой сонный омут даже для того, чтобы побывать на университетских выпускных торжествах мамы, а ведь она стала первой в семействе Фалькон, кто получил высшее образование. На фото, которые я много раз рассматривала, мама была снята в актовом зале Центрального университета Венесуэлы и выглядела очень красиво: глаза густо подведены, волосы с начесом выбились из-под академической шапочки, рука судорожно сжимает диплом, а улыбка выглядит несколько отрешенной, словно мама была в ярости, но старалась этого не показать. Эту фотографию она хранила вместе с академической справкой о присвоении ей степени бакалавра педагогики и вырезанной из «Эль Арагуэньо» (небольшой газетки, выходившей в Окумаре) заметкой, которую мои тетки отправили в редакцию, чтобы весь мир узнал: в семействе Фалькон наконец-то появился дипломированный специалист.

Теток мы навещали нечасто — один или два раза в год. В небольшой городок, где они жили, мы ездили в июле и в августе, или — иногда — на Светлую седмицу. Во время этих посещений мы обе работали в пансионе, который держали тетки, к тому же мама считала своим долгом хоть немного облегчить сестрам то финансовое бремя, которое они несли. Она всегда оставляла им какую-то сумму денег, а за это считала себя вправе «воспитывать» Клару и Амелию, упрекая одну за то, что она ест слишком много, а другую — за то, что она ест мало. Сестры в свою очередь угощали нас «роскошными» завтраками, от которых у меня расстраивался желудок и которые состояли из говяжьего фарша в густом соусе,

до хруста зажаренных шкурок окорока, переспелых помидоров, недозрелых авокадо и гуарапо — забродившего сока сахарного тростника с корицей, процеженного через тряпку. Тетки ходили за мной по пятам по всему дому, настойчиво пичкая этим напитком, от которого я несколько раз теряла сознание. Первым, что я слышала, приходя в себя, было их взволнованное кудахтанье.

— Если бы наша покойная мать увидела, какая ты худая и слабенькая — ну просто кожа да кости, она бы дала тебе три большие лепешки с салом и стояла рядом до тех пор, пока ты не съела бы их до последней крошки! — говорила мне тетя Амелия (та, которая была толстой) — Ну а ты куда смотришь?! — обращалась она к моей матери. — Ты что, ее совсем не кормишь, бедняжку? Она же у тебя тощая, как жареная селедка! А ну-ка, подожди немного, детка... — (Это снова мне.) — Я сейчас вернусь, ты только не двигайся, моя хорошая!..

— Оставь ребенка в покое, Амелия! — кричала из патио тетка Клара, где она курила и присматривала за своими манговыми деревьями. — Если тебе постоянно хочется есть, это не означает, что остальные тоже должны жрать без перерыва.

— Что вы там делаете, тетя? Идите сюда, мы как раз собираемся обедать!

— Сейчас, сейчас... Я хочу только убедиться, что эта шпана из соседнего дома не собирается снова сбивать мои манго удочкой. На днях они набрали почти три мешка, представляешь?..

— Ну вот и я... Смотри какие булочки! Скушай штучку, если больше не хочется, но имей в виду: я напекла их целую гору, — говорила тетя Амелия, возвращаясь из кухни с подносом жареных булочек-болло с начинкой